

ТЕАТР

Непреодоленные традиции

Последние спектакли театра А. Н. Остроумского — «Вторые пути» и «Без вины виноватые». После удачных во всех отношениях «Человека с ружьем» и «Ангело», указанные выше кажутся невзрачными. Как в первом, так и во втором спектакле, несмотря на диаметрально противоположное содержание их, явное несоответствие драматургическим достоинствам, режет слух и портит впечатление ненужный мелодраматизм.

«Вторые пути» А. Афиногенова вообще очень слабая пьеса. Много крика, декламация, мало чувств, подлинных человеческих образов. Театр, к сожалению, усугубил недостатки драматурга. Вместо живнеутверждающего, оптимистического спектакля подали кусок нереальной, выдуманной жизни с явно сгущенными красками теневых сторон человеческого переживания. Нагромождение случайностей, очень слабо обоснованных, отвлеченных, неглубоких страстей не создает цельного впечатления о спектакле.

Недостатки текста можно было несколько сгладить, отбросив сентиментальность и риторичку в поведении основных персонажей пьесы. Другими словами, было бы лучше, если бы старик Корюшко был более сосредоточенным, начальник золотого принца Ашров более серьезным, его дочь Наташа — менее болтливой и т. д. К чему это возводит обыкновенные жизненные факты во что-то необычное. Внешним эффектом не спасает убожество сюжетной конструкции, получается пародия, шарж, и все благие намерения и драматурга и театра превращаются в дым. Так получилось со спектаклем «Вторые пути», поставленным режиссером В. И. Володиным.

Всякое переигрывание ролей, отход от правды, реалистической трактовки образов или к чудачеству или к мелодраматизму быстро разгадывается зрителем. И в этом случае внешне прекрасная игра артиста не спасет положение, ибо внешнее еще не есть внутреннее переживание человека.

Слушать краски, ну менее владеть собой на сцене — традиции весьма нехорошие, искажающие подлинный смысл спектаклей. В плохих пьесах, таких, как «Вторые пути», требуются серьезные режиссерские приемы, в привязанных, классических произведениях («Без вины виноватые»), наоборот, нужно быть очень осторожным с текстом автора. Режиссеры двух последних спектаклей гг. Володин и Ярчевский не учли этого. Насколько в первом случае режиссер слепо пошел по следам драматурга, поставив рыхлый, неотработанный спектакль, настолько во втором спектакле допущены отступления от замысла автора как в трактовке отдельных образов, так и в целом спектакля.

Удивительное дело. Выходя из театра, просмотрев «Без вины виноватые», и недоумевая: куда пропало суровое обличение гнилого и уродливого мира, резко и ярко запечатленное в каждом произведении А. Н. Остроумского. Почему без вины виноватые, затравленные и взмученные провинцией купцов и помещиков люди так нерешительны в своем протесте против окружающей грязи. Почему они говорят в подголоса там, где нужно говорить голосом мужественным и сильным. Драматург по тексту предоставляет множество возможностей, когда тема протеста должна звучать доходчиво и полно. Но артисты не пользуются этими возможностями я, конечно, не по своему желанию. Во всем спектакле чувствуется неправильное направление режиссера.

Вышесказанное относится, прежде всего, к игре К. В. Кристенс (Кручинина) и В. М. Ярчевского (Незнамов). Если оба артиста с глубокими переживаниями, правдоподобно передают большую человечность своих героев, страстную любовь к жизни, то там, где их поведение должно перерасти в неудовлетворенность, в протест против овраживших их мелких и низких людей, у артистов нехватает необходимого напряжения, нужной силы воли. Мелодраматизм красной нитью проходит через всю игру Кристенс и Ярчевского.

Насколько суровыми и невыносимыми ни были бы условия, окружающие Кручинину и Незнамова, нельзя последних представлять окончательно потерянными людьми. Этого не делает и А. Н. Остроумский, особенно убедительно подтверждая превосходство своих любимых героев перед Муромыми в заключительной сцене встречи матери и сына. Однако К. В. Кристенс с полной силой не использует в этой сцене, как не делает она отступления от своего поведения и в разговоре с Муромыми, и при уничтожении карточек его.

Тоска по потерянной силе должна во всем переплетаться с ненавистью к Мурову. Это вполне естественное и закономерное поведение человека. Но у Кристенс преобладают именно тоска и отчаяние, вытесняя на чувства все другие переживания. Эти же нотки имеются и у Ярчевского, вообще исполняющего свою роль, как и Кристенс, с большим темпераментом.

В противовес Кручинины и Незнамову мир, противоположный им, представлен театром значительно сильнее и правдоподобнее. Хорошо ведет свою роль артист Ю. В. Юренев (Дудукян). Непривужденность во всем, в меру необходимый тайт, в меру показное добродушие. В игре артиста нет ни малейшего нажима, все выглядит естественно и просто. Нельзя сказать в полной степени этого об игре Ш. В. Ериаского (Муров), у которого за внешними приемами иногда не чувствуется подлинного человека-варвара. В большей или меньшей степени увлечение внешними приемами присуще и другим артистам, на этот раз особенно почему-то Г. К. Гумилевскому (Шмага).

Заслуживает большого внимания игра М. Л. Лаппо-Давыдовской (Галчиха) и с другой стороны молодых Н. Ф. Богатыревой (Шалавина) и Л. В. Быковой (Отрадина). Богатыревой явно удаются образы бойких и пустых девушек. То же самое было и во «Вторых путях», где она хорошо провела в рамках текстового материала роль Наташи. В новом плане (и кажется первый раз) выступила Л. П. Григорьева (Каринкина), редко участвующая в классических произведениях. Начало неплохое.

Не игра всех артистов, как бы она ни была естественной, не спасает положение. Наоборот, реализм в игре большинства артистов отчетливо обнаруживает ошибки главных персонажей пьесы, односторонне решенных гг. Кристенс и Ярчевским.

Следует пожелать театру делать спектакли более целеустремленными, идейно насыщенными. Увлечение внешними эффектами в ущерб раскрытию внутренних сторон образов всегда ведет к искажению правды, первого требования, которое предъявляется каждому театру.

Ал. Волин.